Русская речь
Russian Speech

№ 02 | 2025
С. / Pp. 92–105

Язык художественной литературы

Четырехстопные ямбы в русских фольклорных духовных стихах: литературные истоки, тематика, метроритмические особенности

Александр Михайлович Петров, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Россия, Петрозаводск), hermitage2005@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611725020079

аннотация: В статье рассматривается такой важный источник для изучения истории русской версификации, как поздний фольклорный духовный стих — своего рода побочная ветвь классической поэтической традиции. Приведены сведения об основных темах и сюжетах, образах и мотивах: в стихах этой группы широко распространены ветхозаветные и новозаветные темы, ряд текстов имеет форму молитвы, обращенной к Христу, Богородице, святым; представлено духовно-назидательное начало, важное место занимают стихи похоронно-поминального цикла; ряд сюжетов представляет собой отклик на значимые исторические события. Наиболее активно подобные произведения бытовали в старообрядческой среде, хотя авторами стихов (часто анонимными) не обязательно были именно старообрядцы. Этот материал пока что недооценен стиховедами, хотя многие факты, извлеченные из подобных текстов, дают возможность полнее осветить проблему формирования стиха, вызревания его ритмической структуры, обнаружить общее и различное в литературном и народном поэтическом творчестве. На примере стихотворений, сложенных четырехстопным ямбом, доказывается, что ритмические тенденции народной поэзии и классического литературного стиха основываются на общих закономерностях. Однако распространенность метрических моделей неодинакова: если для классической русской литературы XIX в. характерен четырехстопный

ямб, то для фольклора — четырехстопный хорей. Продемонстрирована такая особенность фольклорных стихов, как нерегулярный метрический сбой, не обусловленный художественно-эстетическими задачами и приводящий к разрушению поэтической структуры текста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: четырехстопный ямб, фольклор, стиховедение, народный стих, метрика, ритмика, духовные стихи, поэтика фольклора, литература

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Петров А. М. Четырехстопные ямбы в русских фольклорных духовных стихах: литературные истоки, тематика, метроритмические особенности // Русская речь. 2025. № 2. С. 92–105. DOI: 10.31857/S0131611725020079.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена в Карельском научном центе РАН в рамках работы по госзаданию.

The Language of Fiction

Iambic Tetrameter in Russian Folk Spiritual Verses: Literary Sources, Thematic Range, Metrical and Rhythmical Peculiarities

Alexander M. Petrov, Institute of Linguistics, Literature, and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (Russia, Petrozavodsk), hermitage2005@yandex.ru

ABSTRACT: The article examines such an important source for studying the history of Russian versification as late folk spiritual verse — a kind of a side branch of the classical poetic tradition. The paper provides information about the main themes and plots, images and motifs. In the verses of this group, Old Testament and New Testament themes are widespread; a number of texts take the form of a prayer addressed to Christ, the Mother of God, and the saints; an edifying principle is presented; poems of the funeral cycle occupy an important place; a number of plots reflect significant historical

events. Such verses were widespread among the Old Believers, although the authors of the poems (often anonymous) were not necessarily Old Believers. This material has so far been underestimated by scholars, although many facts extracted from such texts make it possible to illuminate the problem of the verse formation its rhythmic structure, and to discover similarities and differences in literary and folk poetic creativity. Using the example of poems written in iambic tetrameter, I prove that the rhythmic tendencies of folk poetry and classical literary verse are based on the same general patterns. However, the prevalence of metrical models is not the same: while in classical Russian literature of the 19th century iambic tetrameter predominates, in folk tradition trochaic tetrameter is much more common. In the study, I demonstrate such a feature of folklore poems as irregular metrical failure, which is not determined by artistic and aesthetic goals and leads to the destruction of the poetic structure of text.

KEYWORDS: iambic tetrameter, folklore, versification, folk verse, metrics, theory of rhythm, spiritual verses, poetics of folklore, literature

FOR CITATION: Petrov A. M. Iambic Tetrameter in Russian Folk Spiritual Verses: Literary Sources, Thematic Range, Metrical and Rhythmical Peculiarities. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 2. Pp. 92–105. DOI: 10.31857/S0131611725020079.

ACKNOWLEDGEMENTS: The paper was written as part of the state task assigned to the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences.

Четырестопный ямб мне надоел:
Им пишет всякой...

А. С. Пушкин «Домик в Коломне»

К моменту публикации пушкинского «Домика в Коломне» четырехстопный ямб в русской поэзии действительно стал массовым явлением [Гаспаров 1984: 106–108]. Достаточно вспомнить такие признанные шедевры русской классики, как «Руслан и Людмила», «Евгений Онегин» и мн. др. Сама же литературная традиция четырехстопного ямба восходит еще к XVIII в., к первым поэтическим опытам Ломоносова в этом метре и размере.

В российском стиховедении четырехстопный ямб (наряду с хореем), пожалуй, самый изученный метр [Гаспаров 1974: 76]. Подробно обследованы особенности его ритмики; рифма, строфика; эволюция; жанровое

тяготение и степень распространенности в различные эпохи; языковые свойства разных уровней в рамках лингвистики стиха [Тарановский 2010: 80–103; Гаспаров, Скулачева 2004; Тверьянович 2013: 18–22; Liapin 2020]. Материалом для многочисленных работ в этих областях стали, конечно, лучшие художественные образцы, созданные крупнейшими поэтами.

Но в истории русского стиха существует и альтернативная ветвь развития. Это любительские стихотворения и поздний фольклорный стих (баллады, городские романсы, духовные стихи и т. п.). Практически всегда такие произведения создаются «вслед» за литературным образцом, в подражание известному поэту, как имитация. Импульсом, мотивом к их созданию является необходимость как-то выразить душевные переживания, попробовать свои силы в стихотворчестве из простого любопытства, а то и постараться оставить след в истории литературы. Стихотворения эти не всегда пишутся умелыми, талантливыми поэтами, не всегда обнаруживают хороший вкус, среди них попадаются более или менее удачные тексты. Они бытуют свободно и не подвергаются профессиональной редакторской и иной правке.

Таких стихотворений чрезвычайно много. Мы можем смело утверждать, что нам знакома лишь надводная часть поэтического айсберга. Огромный массив литературных произведений второго и третьего ряда все еще остается «за кадром» и зачастую неизвестен не только широкому читателю, но даже специалистам. Эти стихотворения до сих пор мало исследованы, хотя являются естественной частью литературного процесса, частью национальной культуры и тоже могут быть интересны — как стиховедам, так и историкам литературы, фольклористам, лингвистам и др. Это важный источник для изучения истории русской литературы.

В этом отношении богатый материал — жанр позднего *духовного стиха*. Он располагается на границе литературы и фольклора и является очень показательным для понимания многих особенностей версификационной техники. Как зарождается и формируется стих; что отличает стих любителя, дилетанта от стиха настоящего мастера; какова судьба стиха после проникновения в устную народную традицию — эти и многие другие вопросы становятся яснее при обращении к подобным текстам.

Перечислим основные признаки духовных стихов поздней традиции.

Это стихотворные тексты религиозной тематики, созданные в XIX–XX вв. Разумеется, ничто не препятствует сочинению таких стихотворений и сейчас, но время их зарождения как особого образования в рамках жанра духовного стиха приходится именно на указанный хронологический период.

Такие стихотворения обычно имеют автора, однако сведения об авторе часто утрачены, стихи начинают бытовать в фольклорной среде самостоятельно, распространяются на широкой территории в многочисленных

вариантах. Все это позволяет говорить о них как о текстах околофольклорного характера: это произведения литературные по происхождению, но фольклорные по бытованию. Интересна задача установления авторов всех этих стихотворений, однако по ряду причин решить ее сложно. Если автор — известный поэт, чье стихотворение фольклоризировалось, то сделать это проще; если это самодеятельный поэт, то задача становится существенно труднее. Иногда сведения об авторстве приведены в рукописных тетрадях, где содержатся такие стихи. Достоверность этих сведений должна проверяться дополнительно.

Важный признак поздних духовных стихов — их силлабо-тоническая форма, это чистые подражания русской литературной классике.

Тематика произведений обширна: стихи могут быть посвящены Христу, Богородице, святым, крупным церковным деятелям; они могут представлять собой своего рода молитву, или даже содержать целое повествование со сложным сюжетом (например, стихотворение об очарованном иноке или об Алексее, человеке Божьем), или представлять собой поэтический пересказ ветхозаветных или евангельских сюжетов. В этих стихах можно обнаружить отсылки к самым разнообразным событиям церковной истории: здесь и раскол, и разорение Соловецкого монастыря, и гонения на опальных духовных лидеров и мн. др.

Питательной средой для этой области русского фольклора стало, прежде всего, старообрядчество [Никитина 2014: 48]. Во многом именно старообрядческой картиной мира определена повышенная эмоциональность таких текстов, их особая «страстность», темпераментность и даже некоторая бескомпромиссность в оценках событий, явлений и людей, в выражении чувств, в интерпретации истории.

Один из признаков любительского стихотворения — нерегулярный непредсказуемый метроритмический сбой, не регламентированный какими-либо художественными задачами. Строки, содержащие такой сбой, мы называем «дефектными». Подчас стихотворение может быть написано технически гладко, с определенным эстетическим вкусом, в нем может быть воплощена интересная, самобытная образность, однако в какой-то момент отдельная строка выпадает из поэтического целого, наше восприятие текста «спотыкается» об эту строку, исчезает впечатление гармонии и целостности стихотворения. Такие «дефектные» строки — важный маркер любительской поэзии. Вот характерные примеры сбоев: «На милость Бога уповаю // *С чувством веры и любви*. // Заветный крестик надеваю, // Что сохранит меня в пути. // *Ему вручаю мое желанье* // И волю, молодость мою: // Пусть сохранит от нареканья // *Душу чистую мою*» [Бучилина (сост.) 1999: 314].

Материалом для нашей работы послужили тексты, опубликованные в известных сборниках духовных стихов [Селиванов (сост.) 1991], [Бучилина

(сост.) 1999], [Поздеева (ред.) 2007], [Кузнецова (сост.) 2015]. Богаче всего в количественном отношении сборник [Бучилина (сост.) 1999], именно оттуда мы почерпнули основной массив поэтических текстов. Вот как распределены стихотворения, написанные **четырехстопным ямбом** (обычно с чередованием женских и мужских клаузул[1]), в сборниках: Селиванов — **2** текста (№№ 117 и 120), Бучилина — **27** (№№ 7, 13, 37, 41, 43, 44, 48, 49, 54, 55, 56, 60, 62, 66, 82, 99, 100, 101, 102, 110, 111, 119, 121, 123, 129, 130, 163), Поздеева — **3** (№№ 13, 66, 69), Кузнецова — **6** (№№ 6, 8, 11, 17, 24, 113). Всего — **38** текстов. Некоторые варианты пришлось исключить из выборки, поскольку они либо представляли собой полные дубли («исследовать» абсолютно идентичные тексты, конечно же, нет особого смысла, достаточно сделать разметку одного варианта), либо были настолько деформированы, что извлечь из них полезные данные о метрике и ритмике не представлялось возможным. Были исключены следующие тексты: №№ 11, 17, 24, 113 в сборнике [Кузнецова (сост.) 2015], №№ 37, 99, 102, 123 в сборнике [Бучилина (сост.) 1999]. Таким образом, было проанализировано **30** текстов.

Отметим, что в корпусе духовных стихов поздней традиции наиболее частотным метром является **четырехстопный хорей** [Петров 2022: 58]. Зафиксируем это существенное расхождение с классической литературной традицией начала XIX в., в которой самым массовым метром стал все-таки **четырехстопный ямб**: применительно к указанному периоду М. Л. Гаспаров назвал его типичным представителем русского стиха в целом [Гаспаров 1984: 107]. Если в литературе четырехстопным ямбом «пишет всякий», то область фольклора — это область царствования хорея.

Изученные нами 30 текстов неравномерны по длине, по количеству строк, см. таблицу ниже (с разбивкой по сборникам):

Табл. 1. Количество строк / Number of lines

	Селиванов	**Бучилина**	**Поздеева**	**Кузнецова**	**Всего**
Количество строк	104	714	75	76	**969**
«Дефектные»	0	71	2	0	**73**
Количество в выборке	104	643	73	76	**896**

«Дефектные» строки в выборку не включались. Исследованию подверглись **896** строк.

[1] Клаузула — совокупность слогов в строке после последнего ударного слога. В женских клаузулах ударение падает на предпоследний слог, в мужских — на последний.

Какие темы затронуты в поздних духовных стихах?

Одно из самых известных и широко распространенных стихотворений — «Гора Афон»: «Гора Афон, гора святая, // Не знаю я твоих красот // И твоего земного рая, // И под тобой шумящих вод…» [Селиванов (сост.) 1991: 282]. Произведение «приписывается авторству святителя Филарета Черниговского (Гумилевского) или иеросхимонаха Серафима (Веснина)» [Мурашова 2019: 128], см. также [Кузнецова (сост.) 2015: 612], однако точно атрибутировать текст этим авторам мы пока не решаемся. Текст по многим вариантам довольно устойчив, в некоторых случаях исполнители или переписчики могут пропустить несколько строк или поменять их местами. Однако основные образы и мотивы хорошо сохраняются практически всегда. Здесь прославляется гора Афон, почитаемая православными как земной удел Богородицы. Это один из важнейших сакральных топосов в поэтике жанра духовного стиха; образ горы в целом значим для народно-православного сознания (ср. Фавор, Сион, Синай, Голгофа, гора Елеонская и т. д.). Стихотворение написано вполне в русле пушкинской традиции, это классический четырехстопный ямб с чередованием женских и мужских клаузул. Думается, что метрика стиха в данном случае может быть задана довольно случайным фактором, а именно распределением ударений в словосочетании «гора Афон», имеющем естественный ямбический рисунок. Метр целого текста словно вырастает из этого языкового ядра, с этих слов и начинается стихотворение. Для духовного стиха характерна светлая, мажорная интонация (часто произведения этого жанра довольно мрачны и даже драматичны по тональности). Автор любуется и восхищается великолепным пейзажем (прекрасная морская даль, облака, отвесные скалы, луч солнца на закате). В образе горы Афон для него воплощены лучшие эстетические стороны земного и небесного, духовного бытия. Она названа «райской обителью», она воплощает представления об ином — лучшем — мире, где всё исполнено жизни и благодати.

Часть стихов отражает новозаветные сюжеты — например, Рождество Христово: «Ты слышишь райские напевы, // Что в небе Ангелы поют: // Родился Божий Сын от Девы, // Ему хвалу все воздают» [Бучилина (сост.) 1999: 79]. Имеется стих, пересказывающий евангельский эпизод о грешнице: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Иоанн 8:7), ср. (пунктуация приводится по цитируемому источнику): «И на песке перстом писал он. // Кто сам безгрешен тот разит. // И написавши долго ждал он. // Чей первый камень полетит» [Бучилина (сост.) 1999: 90]. Лирическое воплощение получила притча о блудном сыне: «Страшусь предстать я пред тобою, // Не смею я тебя призвать, // Своею грешною душою // Отцом безгрешного назвать» [Бучилина (сост.) 1999: 154].

Отдельный, достаточно крупный цикл стихов посвящен Богородице. Эти стихи обычно имеют форму молитвенного обращения: «К тебе, о матерь пресвятая, // Дерзаю вознести свой глас. // Лице слезами орошаю, // Услышь меня в сей скорбный час» [Бучилина (сост.) 1999: 165]. В народно-поэтической интерпретации Богородица предстает как защитница, заступница, ходатайствующая за грешного человека перед Богом на Страшном суде: «Ты всех прибежище несчастных, // За всех молитвенница нас. // О, защити, когда ужасный // Услышим судный божий глас» [Бучилина (сост.) 1999: 166].

В поздних духовных стихах сохраняется традиция восприятия Богородицы как «страждущей матери» [Федотов 1991: 49], наиболее ценным в ее образе для фольклорного мышления стала «небесная красота материнства» [Федотов 1991: 49]: «Ты мать, наставница детей, // И дев, и юношей спасение» [Бучилина (сост.) 1999: 170].

Часть стихов — это молитвы-мольбы к святым или ангелам: «Прошу тебя, угодник Божий, // Святой великий Николай, // В житейском море утопаю, // Ты руку помощи подай. // К твоей иконе припадаю, // Прошу тебя, меня спаси, // Я, недостойная, взываю: // Молитву к Богу отнеси» [Бучилина (сост.) 1999: 221–222]; «Пресветлый ангел мой господень, // Хранитель ты души моей, // Души моей единородной, // Будь милостив к рабе твоей» [Бучилина (сост.) 1999: 278]. В рассматриваемом жанре в полной мере проявились архетипические черты молитвы как особой области манифестации духовно-религиозного сознания: «В христианской традиции молитва характеризуется как *вознесение души и сердца к Богу*. Рождаясь в медитативном переживании своего будущего, будущего своих близких и всего мира, она дарует надежду на лучшее, приглушая боль и страдания» [Афанасьева 2021: 13].

Большую группу составляют «духовно-наставительные» лирические стихотворения [Бучилина (сост.) 1999: 277]. Их объединяет покаянная тональность; эмоциональный стержень этих стихов — напряженный, долгий, трудный поиск человеком внутренних духовных основ, смысла и цели бытия; обретение нравственной чистоты и христианского смирения; преодоление сомнений, борьба с искушениями «житейского моря»: «О, горе мне, во тьме заблудшей, // Я потеряла путь прямой. // Душа стремилась к жизни лучшей, // Но враг меня окутал тьмой» [Бучилина (сост.) 1999: 293]; «Пусть болен ты душой и телом, // Но смерть к себе не призывай. // Молись творцу и терпеливо // На исцеленье уповай» [Бучилина 1999: 295]; «Тяжел мой крест, устал в дороге. // Христос-спаситель, помоги! // Душа моя всегда в тревоге, // Любовь сильней во мне зажги» [Бучилина (сост.) 1999: 303].

Наконец, существуют стихи о смерти, о «пресечении жизни», о расставании с земным миром, «прощальные» [Бучилина (сост.) 1999: 414]. В них отражены размышления о скоротечности человеческого бытия, о суетности многих повседневных дел; это стихи о горестной минуте расставания и о принятии неотвратимого, неизбежного.

Как мы уже отметили, иногда духовные стихи представляют собой поэтический отклик на конкретное историческое событие. Например, в небольшом старообрядческом стихотворении «Воскресли бурные порывы…» [Поздеева (ред.) 2007: 118] отражено эмоциональное восприятие указа «Об укреплении начал веротерпимости», на что указывает соответствующий подзаголовок: «Настоящее и будущее к годовщине 17-го апреля 1905 года» [Поздеева (ред.) 2007: 118]: «Томили братьевъ — мы страдали, // дни наши шли в тоске, слезахъ, // Теперь хотя оковы пали, // но слезы все блестят въ глазах» [Поздеева (ред.) 2007: 118]. Одновременно лирический герой сокрушается о понесенных жертвах: «Лилася кровъ (!), брецали цепи, // борцы идей свободных шли // На казни, пытки, въ тундры, степи, // свободной вере мысль несли» [Поздеева (ред.) 2007: 118].

Такова в самых общих чертах тематика поздних духовных стихов. Они ориентированы на классическую поэтическую традицию, хотя в фольклорной среде нюансы рифмовки или правила соблюдения метра могут быть весьма условны. Но в целом метрическое влияние русской литературы несомненно. Иногда это влияние подчеркивается намеренно: например, одному из стихотворений («Стих о Никоне») предпослан своеобразный «эпиграф» (он оформлен как две первые строки поэтического текста): «Дела давно минувших дней, // Предание страны глубокой» [Бучилина (сост.) 1999: 234]. Это, конечно, искаженная цитата из «Руслана и Людмилы», даже отбивка двух строк перед последующим текстом идентична. Ямбическое строение имеет лишь «эпиграф», само же стихотворение написано четырехстопным хореем, поэтому подробно мы на нем не останавливаемся. Отметим лишь, что подражание эталонной пушкинской метроритмике отчетливо чувствуется и здесь: «На дне ада в тишине // Бес подходит к сатане, // На колени припадает // И сказать чево — не знает. // И немного пребодрился, // Ему в ноги поклонился. // Беса грозно он спросил, // Тот язык свой прикусил…» [Бучилина (сост.) 1999: 235]. Вопрос о метроритмическом влиянии часто носит дискуссионный характер [Полилова, Белоусова 2023], но в приведенном примере, на наш взгляд, пушкинские мотивы выражены достаточно сильно.

Вернемся к четырехстопному ямбу. Обзор духовных стихов был бы неполным без описания наиболее существенных особенностей их ритмики. Анализ велся по ранее уже апробированному алгоритму [Петров 2022].

Все строки были разделены по клаузулам на женские (*Сквозь сумрак древности глубо**к**ой*) и мужские (*Награда веры и труд**а***):

Табл. 2. Количество строк с женскими и мужскими клаузулами / Number of lines with feminine and masculine rhymes

	Селиванов	**Бучилина**	**Поздеева**	**Кузнецова**	**Всего**
Женские	52	310	37	38	**437**
Мужские	52	333	36	38	**459**

Далее для каждой строки устанавливалось соответствие той или иной ритмической форме (в таблице — РФ) [Гаспаров, Скулачева 2004: 8]: I — *Сто**и**т и т**и**хо сл**е**зы ль**е**т*, II — *Да пощад**и**т теб**я** Христ**о**с*, III — *О б**е**дная душ**а** мо**я***, IV — *Ты сп**и**шь забв**е**нно и беспе**ч**но*, VI — *Как неприм**е**тная меч-т**а***, VII — *Ты п**а**стыря не полюб**и**ла*.

С разбивкой по клаузулам данные выглядят следующим образом:

Табл. 3. Ритмические формы / Rhythmical forms

РФ	**I**	**II**	**III**	**IV**	**VI**	**VII**	**Всего**
Женские	173	28	13	194	27	2	**437**
Мужские	136	25	20	244	32	2	**459**

В обоих типах клаузулы очевидно преобладание двух форм: первой (полноударной) и четвертой (с ослабленной третьей стопой), причем роль четвертой формы особенно велика. На основе типологии ритмических форм составлен профиль ударности иктов[2] (он имеет альтернирующий характер):

Табл. 4. Профиль ударности по женским и мужским строкам / Stress profile in feminine and masculine lines

	I икт	**II икт**	**III икт**	**IV икт**	**Всего строк**
Женские	382 (87,4%)	422 (96,6%)	214 (48,9%)	437 (100%)	**437**
Мужские	402 (87,6%)	437 (95,2%)	181 (39,4%)	459 (100%)	**459**
Всего строк	784 (87,5%)	859 (95,9%)	395 (44,1%)	896 (100%)	**896**

[2] Икт — сильная позиция в схеме. Профиль ударности характеризует частотность, с которой словесное ударение реализуется на метрически сильной позиции стиха.

Представим некоторые выводы из табличных данных.

1. По сравнению с хореическими духовными стихами имеются сходства и различия в ритмических тенденциях. Как и в четырехстопном хорее [Петров 2022], женские и мужские строки различаются ударностью третьей стопы: в женских строках эта ударность выражена сильнее, чем в мужских (на 9,5%). Ритмика строк обоих типов организована в соответствии с законом регрессивной акцентной диссимиляции. Как видно из таблицы 4, ударность первой стопы в женских и мужских строках практически идентична и приближена к ударности второй стопы. Следовательно, регрессивная акцентная диссимиляция интенсивнее выражена в мужских строках. Однако в ямбе сильнее первая стопа. В хореических духовных стихах ударность первой стопы составляет от 51,45% до 57,34% для женских строк и от 48,82% до 54,71% для мужских — в зависимости от методики расчета [Петров 2022]. Для ямба характерны совсем другие цифры: 87,4% для женских строк, 87,6% для мужских. Вероятно, это объясняется структурными признаками метров: пропуск словесного ударения на первом икте в ямбе нежелателен, поскольку влечет за собой скопление трех безударных слогов подряд в начале строки, а такое инициальное «зияние» в стихе избегается: «Что сохранит меня в пути» [Бучилина (сост.) 1999: 314]. В хорее пропуск ударения на первом икте приводит к появлению лишь двух безударных слогов подряд: «Со зверями буду жить» [Селиванов (сост.) 1991: 267], инициальная позиция стиха даже при таком пропуске обозначена достаточно ясно. Поэтому в ямбе чрезвычайно редки II и VI ритмические формы.

Также в ямбе существенно меньше перебоев в ритме — переакцентуаций: «Пл**а**ны свои он отложил» [Бучилина (сост.) 1999: 222].

2. На фоне литературного стихотворного материала XIX в. поздние духовные стихи не содержат чего-то принципиально нового. Полученные нами данные вполне коррелируют с известными сведениями о ритмике классического четырехстопного ямба [Тарановский 2010: 95–96; Гаспаров 1974: 95; Liapin 2020: 8]. При этом не следует забывать, что вся наша выборка составляет лишь **896** строк. Объем материала может быть не вполне достаточным для уверенных сопоставлений.

* * *

Итак, в статье был представлен и подробно охарактеризован такой источник изучения истории русского стиха, как поздние околофольклорные духовные поэтические произведения, сложенные четырехстопным ямбом. Подобный материал не часто используется специалистами, хотя он содержит немало интересного.

В частности, он дает более широкую картину религиозного православного сознания: интерпретация образов и мотивов христианской культуры носит в духовных стихах творческий характер; разнообразна тематика, восходящая к книжной традиции. При этом народные тексты не отступают от канонов и ценностей христианства в главном: высшие добродетели, согласно жанровой картине мира, — это смирение, благочестие, покаяние, спасение, христианская любовь.

Своего рода метрическим шаблоном для подобных сочинений стали произведения русской классики — например, стихотворения А. С. Пушкина. В некоторых случаях подражание поэту очень заметно, хотя, конечно, преувеличивать пушкинское влияние на эту область фольклора не следует. Любительские стихотворения имеют определенные признаки, позволяющие идентифицировать их именно как любительские: прежде всего, это случайные и не обусловленные художественными задачами метрические сбои, разрушающие эстетику поэтического целого.

В отличие от литературы, в фольклорной среде излюбленным метром стал хорей; стихотворения, сложенные ямбом, существенно более редки.

Ритмические же процессы и тенденции в целом идентичны тем, которые выявлены на литературном материале, и подчиняются общим закономерностям формирования и развития русского стиха.

Источники

Бучилина Е. А. (сост.). Духовные стихи. Канты: сборник духовных стихов Нижегородской области. М.: Наследие, 1999. 416 с.

Кузнецова В. П. (сост.). Духовные стихи Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. 800 с.

Поздеева И. В. (ред.). Кому повем печаль мою: духовные стихи Верхокамья: Исследования и публикации. М.: Данилов ставропигиальный мужской монастырь, 2007. 332 с.

Селиванов Ф. М. (сост.). Стихи духовные. М.: Советская Россия, 1991. 336 с.

Литература

Афанасьева Э. М. Молитвенная лирика русских поэтов. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 280 с.

Гаспаров М. Л. Современный русский стих: Метрика и ритмика. М.: Наука, 1974. 487 с.

Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М.: Наука, 1984. 320 с.

Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004. 288 с.

Мурашова Н. С. Старообрядческий духовный стих в контексте исторической эволюции внебогослужебного духовного пения. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2019. 371 с.

Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. 2-е изд. М.: Ленанд, 2014. 192 с.

Петров А. М. Четырехстопный хорей в русских фольклорных духовных стихах поздней традиции: некоторые вопросы метрики и ритмики // Вопросы языкознания. 2022. № 3. С. 54–74. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.54-74

Полилова В. С., Белоусова А. С. К проблеме внутри- и межъязыкового ритмического влияния: Пушкин (Песни «Пира во время чумы») и Блок («В этой жизни слишком темной…») // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2023. № 4. С. 157–171. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-14

Тарановский К. Ф. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе. М.: Языки славянской культуры, 2010. 552 с.

Тверьянович К. Ю. Русский стих 1735–1810-х годов: Метрика и строфика: Антология / Под ред. П. Е. Бухаркина. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2013. 320 с.

Федотов Г. П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М.: Гнозис, 1991. 192 с.

Liapin S. Russian Iambic Tetrameter: The Evolution of its Rhythmic Structure // Studia Metrica et Poetica. 2020. Vol. 7. No. 2. Pp. 7–22. https://doi.org/10.12697/smp.2020.7.2.01

References

Afanas'eva E. M. *Molitvennaia lirika russkikh poetov* [The genre of a prayer in the oeuvre of Russian poets]. Moscow, Publ. House YaSK, 2021. 280 p.

Fedotov G. P. *Stikhi dukhovnye: Russkaia narodnaia vera po dukhovnym stikham* [Spiritual verses: Russian folk belief in spiritual poetry]. Moscow, Gnozis Publ., 1991. 192 p.

Gasparov M. L. *Sovremennyi russkii stikh: Metrika i ritmika* [Modern Russian verse: metrics and rhythm]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 487 p.

Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha: metrika, ritmika, rifma, strofika* [Outline of the history of Russian verse: metrics, rhythm, rhyme, stanza]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 320 p.

Gasparov M. L., Skulacheva T. V. *Stat'i o lingvistike stikha* [Articles on verse linguistics]. Moscow, Yazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2004. 288 p.

Murashova N. S. *Staroobriadcheskii dukhovnyi stikh v kontekste istoricheskoi evoliutsii vnebogosluzhebnogo dukhovnogo peniia* [Old believer spiritual verse in the context of the historical evolution of non-liturgical spiritual singing]. Novosibirsk, Publ. House of the Novosibirsk State Pedagog. Univ., 2019. 371 p.

Nikitina S. E. *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral folk culture and linguistic consciousness]. Moscow, Lenand Publ., 2014. 192 p.

Petrov A. M. [Trochaic tetrameter in Russian folk spiritual verses of late tradition: some issues of metrics and rhythmics]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2022, no. 3, pp. 54–74. (In Russ.). DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.54-74

Polilova V. S., Belousova A. S. [To the problem of intra- and interlinguistic rhythmical influence: Pushkin (the songs from *Pir vo vremya chumy*) and Blok (*V etoi zhizni slishkom temnoi…*)]. *Lomonosov Philology Journal. Ser. 9. Philology*, 2023, no. 4, pp. 157–171. (In Russ.). DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-14

Taranovskii K. F. *Russkie dvuslozhnye razmery. Stat'i o stikhe* [Russian binary meters. Articles on verse]. Moscow, Yazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2010. 552 p.

Tver'yanovich K. Iu. *Russkii stikh 1735–1810-kh godov: Metrika i strofika: Antologiia.* [Russian verse of 1735–1810s. Metrics and stanza. Anthology]. St. Petersburg, Publ. House of the Faculty of Philology of St. Petersburg State Univ., 2013. 320 p.